

Невидимый фронт

Сегодня молодежь почему-то считает, что война была... где-то далеко, во всяком случае, за пределами Самарской губернии и соседних областей. На самом деле линия фронта, пусть и невидимого, проходила и у нас, а поимка выпускников немецких разведшкол вполне могла бы стать сюжетом для отечественного блокбастера.

ОБЪЯВЛЕНИЕ
О ПРОДАЖЕ ДОМА

Борис Семенович много лет вел тихую размеренную жизнь. Внешне он ничем не отличался от тольяттинских пенсионеров. Ну, может, только возрастом (Борису Семеновичу – 90 лет) да орлиным взглядом. Но как он преображался, когда начинал рассказывать про свою боевую молодость, как сильно стучал кулаком по столу, как крепчал голос! А какая у него память! Все помнил: имена, фамилии, клички, позывные, способы вербовки каждого агента.

Всю жизнь Гуревич проработал в органах госбезопасности. Молодым слушал лекции Менжинского и других известных тогда чекистов. Возмужав, ловил немецких диверсантов, а после войны «размачивал сухари». Так на профессиональном сленге чекистов называлось разоблачение бывших карателей, которые, заметая следы, совершали уголовные преступления и сознательно шли на зону.

Занимаясь Борис Семенович контрразведкой и к политическому сыску прямого отношения не имел. О некоторых своих операциях он в свое время рассказывал Владимиру Холоду, которого знал еще мальчишкой. Владимир Михайлович тогда еще не работал в нашей газете, но все равно опубликовать ничего не смог – вмешались цензура и КГБ, строго оберегавший ведомственные тайны. Сейчас время совсем иное, поэтому то, что вы прочтете, никогда в «Вольном городе» не печаталось.

Войну капитан Гуревич встретил в должности замначальника отделения контрразведки самарского краевого управления госбезопасности. Работы хватало, потому что в Куйбышев эвакуировались военные заводы, учреждения, посольства, семьи членов правительства. Вполне естественно, что к городу и региону немцы стали проявлять повышенный интерес.

Первым крупным делом для Гуревича стало разоблачение румынского художника и вполне русского геолога, выполнявшего функции резидента. Геолог давал объявления в газетах о продаже своего дома под Самарой и мог свободно принимать потенциальных покупателей, обмениваться с агентами необходимой информацией. Первым взяли Антонеску, он и сдал со всеми потрохами резидента. И даже тех, кого намечали вербовать, имея компрометирующие сведения.

Во время одного из допросов художник попросил ватман и цветные карандаши и уже в камере по памяти нарисовал портрет Гуревича, с кем беседовал откровенно и подолгу. Портрет Борису Семеновичу понравился, однако взять его себе он смог только после разрешения генерала. Такие тогда были порядки.

Вторым, более крупным и ответственным делом стали радиогри.

ПАРАШЮТНАЯ ТРОЙКА
ОВСЯНКИНА

На советскую территорию немцы парашютный десант забрасывали тройками. Эти тройки формировали из выпускников разных разведшкол. Старшим, как правило, назначался диверсант из варшавской школы. Она считалась базовой и готовила кадры лучше, чем смоленская или полтавская.

Овсянкин был как раз из варшавской разведшколы. Офицер штаба одной из действующих советских дивизий в первые дни войны получил ранение в ногу и попал в плен. Немцы, угадав слабые стороны, отнеслись к нему хорошо, поэтому стоит ли удивляться, что после госпитализации Овсянкин согласился поехать в Варшаву.

Со своими подчиненными он познакомился перед самой заброской. Однако не следует думать, что у него в тройке оказались случайные люди. Отряхин, работавший прежде грузчиком на Волге,

чик грохнулся на землю.

Больше всех повезло Князину, и то потому, что он решил поступить по-своему. Плунав на инструкции, полученные в смоленской разведшколе, парень переоделся железнодорожником, взял необходимые документы и отправился в Кинель. Там жили у него родители, друзья, невеста Аня.

Со станции Инза в Кинель Князин попал по железной дороге. Родители встретили сына, пропавшего без вести, с нескрываемой радостью. Особенно отец, один из руко-

Борис Гуревич на фоне своего портрета, написанного румынским резидентом

Но его уже никто не слушал. Овсянкин остался жить благодаря радиогри. Самарские контрразведчики разработали операцию, в которой «варшавянину» отводилась не последняя роль. Нужно было немцам передавать дезинформацию о передвижении советских войск, чтобы у них сложилось впечатление: русские готовят удар под Москвой, а не под Сталинградом.

Перед заброской на советскую сторону немцы сообщили Овсянкину, что под Ульяновском прячется много дезертиров и хорошо бы их задействовать в разведывательных целях. Вот это сообщение решили использовать чекисты.

В Наримановский лес из самарского управления госбезопасности отправили «дезертиров». Это были сотрудники службы наружного наблюдения, которые засветились в других операциях. Они вырыли землянки и стали жить небольшой общиной, изред-

Лесная операция контрразведчика Гуревича

должен был внедриться в среду речников, чтобы наблюдать за передвижениями войск на воде. У Князина – железнодорожная легенда, тоже подкрепленная жизненным опытом. Кроме того, у всех троих жили на Средней Волге родственники, что облегчало легализацию.

Документы у парашютистов были настоящие. У Овсянкина, например, сообщалось, что после излечения в госпитале он списан под чистую и направлен к родителям. В Ульяновске у него находились отец, работавший часовым мастером, парализованная мать и сестры.

Забросили парашютистов на рассвете. Из-за сильного ветра вместе им приземлиться не удалось. Овсянкин, закопав рацию и большую сумму денег, вышел из леса. Тут его патруль и задержал.

Отряхина взяли вторым. Он зацепился парашютом за сосну и повис метрах в пяти от земли. Парашют заметили колхозники и, вооружившись на полевом стане вилами, лопатами, побежали задерживать немецкого диверсанта. Отряхин дал по ним очередь из автомата. Когда заголосила от боли раненая женщина, колхозники отползли за деревья, а за дело взялся охотник. Он карточкой перебил стропы, стокилограммовый груз-

водители Кинеля. Должность отца смогла бы притупить бдительность местных чекистов, если бы не заговорничество самого Князина. Он в первые дни вообще не выходил из дома и даже за Аней послал свою мать.

Девушка, обрадованная возвращением жениха, уговорила его прогуляться. Нервозность движений не ускользнула от внимания чекистов. Это как сейчас на посту ГАИ при проверке документов волнуются наркокуреры с «грузом», чем вызывают дополнительное подозрение. Словом, через три дня Князина решили арестовать.

«ДЕЗЕРТИРЫ»
ИЗ НАРУЖНОГО
НАБЛЮДЕНИЯ

Для капитана Гуревича операция началась с неожиданного вызова к начальству.

– Возле железнодорожной станции Инза войсковой патруль задержал мужчину, который заявил, что он немецкий разведчик, старший тройки. Какие-либо показания нашим местным сотрудникам он давать наотрез отказывается. Сказал, что будет беседовать только с контрразвед-

чиком Сталинградского фронта. Этим контрразведчиком станете вы, Борис Семенович. Соответствующие документы уже послали военным самолетом. Получите их и вместе с подполковником Кондрашиным отправляйтесь в Ульяновскую область.

Допрашивал Овсянкина капитан в Инзе. Парашютист подробно рассказал о себе, о разведшколе, где будто бы существовала подпольная группа, показал место с закрытой рацией.

К тому времени привезли Отряхина. Бывший грузчик тоже оказался весьма разговорчивым. О нем доложили в краевое управление госбезопасности и получили приказ... расстрелять. Впервые, простой исполнитель, не обладающий особым интеллектом, вряд ли мог заинтересовать контрразведчиков. Во-вторых, был приказ Сталина – немецких шпионов-диверсантов, оказавших сопротивление, расстреливать на месте без суда и следствия.

Отряхина без лишних слов отвезли на тот полевой стан, где его задержали колхозники, собрали народ и поставили к стенке. Перед смертью выпускник полтавской разведшколы кричал:

– Подождите! Я еще не все рассказал! Подождите!

ка выходя на большак за табаком и продуктами.

Овсянкина чекисты устроили работать топографом и отправили с группой настоящих специалистов в лес. Тут на него и наткнулись «дезертиры». О том, кто они такие, Гуревич «варшавянину» говорить не стал, дескать, все должно выглядеть естественно.

На этом легендирование не закончилось.

Надо было отработать ситуацию с родителями Овсянкина. Как сообщить им, что сын жив, но при этом заставить их молчать?

Гуревич нашел вариант, одобренный руководством. Овсянкин под диктовку капитана написал письмо про партизанский отряд. Это письмо передало отцу «варшавянину», вызвав его в райвоенкомат. Там же объяснили, что немцы мстят родителям партизан, поэтому лучше всего молчать о том, что нашелся сын.

Потом на дом к родителям стал изредка приходить посыльный, приносящий «письма из партизанского лагеря». Внешне он напоминал Овсянкина и даже немного хромал, как будто после ранения. В один из вечеров посыльный принес пленку, где с оружием в руках был виден их сын. Родители не знали, что фильм снимали в Наримановском лесу специально для них.

Вскоре посыльный сообщил родителям, что письма будет носить другой, а он перешел на новую работу и усиленно ищет, где бы поселиться.

– Да живите у нас, – радушно предложил Овсянкин-старший.

Посыльному этого и нужно было.

Контрразведчики ждали инспекторов с той стороны и решили во всем подстраховаться. Немцы просто не могли оставить без проверки радиста, который начал регулярно выходить на связь и сообщать ценную информацию.

Сергей РУСОВ

Уважаемые земляки!

Поздравляю вас с праздником 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне!

75 лет назад под красным знаменем была завоевана Великая Победа советского народа над фашистской Германией и ее сателлитами. Именно наш народ, выдержав тяжелейшие испытания, внес решающий вклад в разгром гитлеровских полчищ, отстоял свободу и независимость Родины, спас мир от нацистского порабощения.

Мы помним и никогда не забудем, что истоками победы были единство фронта и тыла, интернационализм и дружба народов СССР, воля и героизм солдат и офицеров, вера народа в идеалы Великого Октября, в добро и справедливость.

С праздником, с Днем нашей Великой Победы!

Желаю здоровья, благополучия, счастья, уверенности в завтрашнем дне и светлых надежд на будущее, бодрости духа, мирного неба над головой!

Юрий САЧКОВ,
первый заместитель председателя
городской думы

Окончание следует >

Невидимый фронт

< Продолжение. Начало в № 18.

ГОЛАЯ АДМИРАЛЬША
И ЕЕ КОЗОЧКИ

Чтобы свободно, а главное, часто бывать в Наримановском лесу, капитану Гуревичу пришлось на время сменить профессию. Он получил специальный мандат, став уполномоченным горсовета по благоустройству инвалидов войны. В центральном лесничестве была организована мастерская, где «дезертиры» делали ящики для снарядов. Немцы об этих мастерских знали из шифровок и должны были считать их своим чуть ли не опорным пунктом.

Первый самолет фашисты прислали с документами, пачками денег, блоками питания к рации. Для этого дали команду разжечь четыре костра. «Дезертиры» разожгли и потом приняли груз.

Ездил Гуревич постоянно на грузовой машине. Однажды на проселочной дороге посадил в кабину голосовавшую женщину. Она просила довести до Ульяновска, а в пути настойчиво и осторожно выпрашивала Бориса, кто он и что делает. Гуревич представился уполномоченным горсовета, но особо рассказывать про мастерские не спешил.

Про себя пассажирка сообщила, что она жена контр-адмирала, эвакуированная из Москвы в Ульяновск вместе с семьями работников министерств. Живет на окраине города, снимая скромный домик, а в лесу пасет козочек.

Когда за первой поездкой последовали вторая и третья, контрразведчики навели справки, и оказалось, что женщина говорила правду. Смущали лишь два обстоятельства. Почему она двух своих козочек пасла не на опушке леса, где высокая и сочная трава, а по соседству с мастерскими? И почему, завидя уже знакомый автомобиль Гуревича, бросала коз на попечение местной девчонки, дочери хозяйки дома, где жила, и сразу выходила на дорогу?

Борис Семенович в молодости был видным мужчиной, и контр-адмиральша начала его «клеить»: дескать, и домик у нее уютный, и вино хорошее. Капитан доложил об этом начальству, получив приказ идти на сближение.

— В хату я к ней, конечно, заглядывал, но никакого интима не

Борис Гуревич на фоне своего портрета, написанного румынским резидентом

было, — твердо сказал через много лет Борис Семенович.

Сейчас уже неважно, насколько точно выполнил приказ капитан госбезопасности. Интересно другое. Разоблачить хозяйку коз он смог только тогда, когда у сбитого немецкого летчика обнаружил половинку фотографии. На ней красовалась... голая контр-адмиральша.

СТРАННЫЕ УНТЫ
СБИТОГО ЛЕТЧИКА

Однажды Овсянкин получил приказ в темноте обозначить ракетницами ульяновский мост. Для чего? Понятно без слов. Команда как следует подготовилась к бомбежке, обозначив условными сигналами заброшенный полевой стан.

Ждали самолет и зенитчики. Дело свое они сделали первоклассно, но летчик все же успел катапультироваться. Искали его

долго, и если бы не счастливая случайность, то не нашли бы. Просто летчик оказался подготовленнее, чем предполагали. Он знал, что лес окружат, и прятался в овраге. Причем выкопал там нору, сверху укрывшись дерном.

Когда летчика доставили к контрразведчикам, он сделал вид, что не понимает русского языка.

— Слушай внимательно. На такое задание вглубь страны не посылают человека, не знающего языка. Если не будешь валять дурака и все расскажешь, мы тебя обменяем на русского летчика. Обмен

через неделю. Не согласишься — обменяют другого, а тебя расстреляют. Выбирай, — предложили контрразведчики.

Летчик долго молчал, обдумывая предложение, а потом на чистом русском языке спросил:

— Что вы хотите узнать?

Он оказался прибалтийским немцем и хорошо знал три языка.

Пока летчик рассказывал, Гуревич не мог понять, что его, офицера контрразведки, смущает. Было что-то не так, но это ускользало, уходило в сторону. И вдруг капитан понял: у летчика странные унты. Гуревич сам семь лет прослужил на Севере и никогда не видел, чтобы унты имели такие толстые подошвы.

Когда обувь разрезали, то нашли два контейнера. Каждый контейнер представлял собой пару особых стелек, соединенных молнией. Между стельками лежали документы, деньги и какие-то шифровки.

— Мы уверены, что это адреса агентов. Кто они?

— Я не знаю, о чем вы говорите, — ответил летчик.

— У нас дешифровальщики хорошие, адреса мы узнаем и без вас. Но тогда вы теряете шанс попасть к своим.

Летчик, поторговавшись, расшифровал адреса. Агентов было двое. Работник военкомата, занимавшийся набором на фронт. Связь с ним держали через маршрутного агента. И уже знакомая жена контр-адмирала. Кстати, в документах лежала половинка фотографии. Судя по очень откровенной позе, женщину немцы завербовали с помощью шантажа и секса.

Появление военкоматовца объясняло многое. В частности, как летчик, если его сбивают во время операции, мог оказаться на той стороне. Если бы он отлежался в овраге, то вышел бы потом на военкоматовца, а тот включил бы его в команду для отправки на

фронт. Ну а там перейти линию фронта гораздо легче, чем самому, пусть и с хорошими документами, пробираться от Ульяновска к Сталинграду.

ОФИЦЕРЫ,
ВЫБИРАЙТЕ НАГРАДЫ

Без малого девять месяцев — с марта по ноябрь сорок второго года — велась лесная операция с участием Гуревича. За это время «дезертиры» приняли от немцев несколько грузов и пять десантов. Парашютистов обычно брали на подходах к мастерской, и редко кому удавалось скрыться от погони. Конечно, на захват десанта выделялись дополнительные силы, чтобы операции не затягивали радисты не могли передавать приказам в центр все подробности приземления.

Когда под Сталинградом советские войска окружали Паульса, Гуревич получил указание все дела сдать заместителю начальника ульяновского горотдела, а самому прибыть в Самару для нового назначения. Вместе с Борисом Семеновичем в управление приехали и некоторые другие участники этой операции.

Их собрал генерал, поблагодарил за сделанное и попросил выбрать себе награды:

— Хотите — наградим ведомственным знаком, хотите — правительственным орденом.

Все выбрали ведомственную награду — знак «Почетный чекист». Этот знак был очень престижен в среде чекистов.

Борис Семенович гордился знаком не меньше, чем остальными своими орденами и медалями. Он напоминал ему не только о лесной операции, молодости, но и о незыблемой вере в победу. А еще на память о радиоигре и поимке диверсантов ему разрешили взять один из обувных контейнеров. Не скрою, было интересно потрогать и рассмотреть тайник немецкого шпиона...

По словам Бориса Семеновича, выданных летчиком агентов